

Несколько замечаний касательно тематического направления русистики (на основе анализа статей в научных журналах)*

A Few Notes on the Edge of the Thematic Direction of Russian Studies (Based on the Analysis of Articles in Scientific Journals)

Йозеф Шаур

(Брно, Чешская Республика)

Abstract:

Nowadays it is not an exception that we face the statement that “correct” and “real” science is done in the West. Who wants to be a “real” scientist has to publish in journals published to the west of our borders. The presented article brings a thematic analysis of the articles in major Russian Studies (resp. Slavonic Studies) journals of western provenance (*The Russian Review*, *The Slavonic and East European Review*, *Revue des études slaves*, *Zeitschrift für Slawistik*) and selected Czech periodicals. The analysis proves that Czech and Western Europe Russian studies are not so different in the thematic direction, and defines basic problems dealing with the reason why Czech authors publish in Western European journals just in small scale.

Key words:

Russian Studies; Slavonic Studies; journals; *The Russian Review*; *The Slavonic and East European Review*; *Revue des études slaves*; *Zeitschrift für Slawistik*; *Novaja rusistika*; *Opera Slavica*; *Slavica litteraria*; *Slavia*

* Предлагаемая работа возникла в Университете им. Масарика в рамках проекта «Конфликт поколений и его отражение в славянских литературах, языках и культурах» № MUNI/A/0959/2015, осуществленного с помощью ресурсов целевой поддержки специфических исследований в высшем образовании, предоставляемых Министерством образования Чешской Республики в 2016-ом году.

В сегодняшнее время всё чаще мы встречаемся с утверждением, «настоящая» и «правильная» наука делается только на Западе. Кто захочет стать «настоящим» ученым, должен печататься в журналах, издаваемых на запад от нашей границы. Предлагаемый здесь текст доносит вашему сведению результаты анализа статей выдающихся русистских (или же славистских) журналов, издаваемых на Западе (*The Russian Review*, *The Slavonic and East European Review*, *Revue des études slaves*, *Zeitschrift für Slawistik*), а также избранных чешских изданий, и отвечает на вопрос, отличаются ли на самом деле русистики западная и чешская столь сильно с точки зрения тематики.

К написанию этого текста нас привели три главных причины. Во-первых — постоянно подчеркивается важность издания научных статей в заграничных научных журналах (причем имеются в виду западноевропейские). Это, бесспорно, обоснованно, поскольку цитирование статьи всемирно воспринимается как один из главных показателей успеха ученого и поскольку публикация статьи на мировых языках (особенно на английском) и издание статьи в авторитетном международном журнале резко повышают вероятность того, что статья и станет цитированной, т. е. успешной. Если ученому удастся опубликовать свою статью в таком журнале, то это считается несомненным исследовательским достижением. С другой стороны, не всегда стоит некритично восхвалять уровень западноевропейской науки (и тут мы имеем в виду конкретно славистику) [POSPÍŠIL 2016, 129–130].

Во-вторых — в разных дебатах на тему «как писать заявление на грант для Грантового Агентства Чешской Республики» неоднократно упоминался тот факт, что заграничные комиссии, принимающие вышеупомянутые заявления, чаще всего упрекают их в двух недостатках: с одной стороны, слишком узко профилированная тема, нуждающаяся в широком контексте или в научном охвате; со стороны другой потом тот факт, что проект не соответствует современному дискурсу (т. е. западному научному дискурсу), что его выбор тем, подобранная методика или исходная секундарная литература не совпадают с тем научным мейнстримом, в кругах которого находится сама комиссия.¹

И последней (третьей) причиной стала статья Я. Панека, в которой он оценивал чешскую историческую славистику и, по случаю 100-й годовщины издания *Slovanský přehled*, сравнивал этот журнал с журналом *Central Europe* [PÁNEK 2015, 7–26]. Панек в своем рассуждении подчеркнул разницу между

1 Приведенные аргументы прозвучали во время дискуссии, прошедшей на Философском факультете Университета им. Масарика, прежде всего в связи с историческими исследованиями (в которых наш факультет имеет хороших панельных представителей), но касались они всех гуманитарных наук в общем, причем релевантность отдельных аргументов разных панелей/специальностей не была равномерной.

выбором исследуемых тем — явное несоответствие тематического направления исследований в двух вышеупомянутых журналах.

Мы попробовали провести похожий анализ, как и Я. Панек, но на материале литературоведческой русистики. Поскольку наш подход был скорее зондирующим, мы не стремимся утверждать, что результаты анализа являются конечными. Однако, считаем, что некоторые тенденции уже сейчас очевидны. Из заграничных журналов мы выбрали по одному представителю от каждой из четырех выдающихся западноевропейских славистских школ, а именно: американский *The Russian Review*, великобританский *The Slavonic and East European Review*, французский *Revue des études slaves* и немецкий *Zeitschrift für Slawistik*. Все они считаются действительно авторитетными международными изданиями, хотя в перечисленных странах есть и другие авторитетные журналы. Чешскую славистику здесь будут представлять прежде всего журналы издаваемые в городе Брно (с учетом того, что именно в Брно проводился анализ), а именно: *Новая русистика*, *Opera Slavica*, *Slavica litteraria*, но и в Праге издаваемый журнал *Slavia*, имеющий за собой длинную традицию (единственный чешский славистский журнал, индексирующийся в базе SCOPUS).

Нужно заметить, что вышеприведенные журналы (прежде всего заграничные, но в некоторой мере и чешские) обладают довольно широким научным охватом, поскольку не сосредотачиваются лишь на филологии, но печатают статьи и из области истории. Важна тут ориентированность на одну сферу — славяне и их культура в общем (в случае американского журнала специализация на русистику в широком смысле слова). Статьи, касающиеся русской литературы, представляют в них лишь некоторую долю всего материала. Мы работали с последними годовыми комплектами, 2010–2016, поскольку наш анализ занимается современными темами исследований. В рамках вводных замечаний также нужно упомянуть, что мы оценивали сугубо тематическое направление статей и от качественной оценки материала отказываемся — по научным причинам, но и из-за ограничения объема текста.

Первым выводом здесь можно назвать тот факт, что обе среды русистов (западноевропейская и чешская) минуют друг друга сразу в нескольких аспектах. Чешские авторы в данное время не печатались в исследуемых заграничных журналах. Исключение представляет собой статья И. Поспишила, включенная в монотематический номер французского журнала, изданный в честь 100-й годовщины смерти Л. Н. Толстого [POSPÍŠIL 2010, 53–70].² Ничего удиви-

2 Вторым исключением, находящимся несколько за границей нашей темы, является и монотематический номер того же журнала, посвященный чешской литературе (№ 3/2011), отредактированный проф. Г. Вуазин-Еховой и содержащий статьи прежде всего чешских авторов.

тельного, что западноевропейские исследователи не печатаются в чешских журналах и не цитируют чешский русистский научный материал. Однако, ссылки на статьи, опубликованные в исследуемых заграничных журналах, также не появляются в чешских изданиях (и если появляются, то сугубо исключительно), что указывает на некоторую закрытость чешской русистики.

Остается вопросом, насколько тот факт, что статьи всех исследуемых журналов не цитируют друг друга (или цитируют друг друга только изредка), влияет на восприятие западноевропейскими коллегами чешских русистов, и насколько возможно делать какие-либо заключения о степени осведомленности чешских исследователей о западном научном дискурсе. Мы так не считаем. Причин этого явления, наверное, существует сразу несколько. Свою роль тут играет и тот факт, что главным результатом исследовательской работы в области гуманитарных наук до сих пор является не статья, а книга. В принципе, полное отсутствие или низкое количество цитаций из статей заграничных журналов не обязательно толковать как незнание заграничных научных работ.

Если мы зададим себе вопрос, стоит ли на основе материала исследуемых заграничных журналов делать вывод о некотором общем тематическом направлении в том смысле, что мировое русистское литературоведение сосредотачивается на одной конкретной теме или становится ли в последние годы одна тема «модной» и более популярной и исследуемой, то ответ однозначен — нет. Статьи в этих журналах, посвященные русской литературе, с точки зрения тематики очень разнообразны. Бесспорно, превалирует интерес в русской литературе XIX века, менее уже века XX — в таком случае чаще всего фокус направлен на современную или недавнюю русскую литературу, «советская литература» привлекает внимание куда меньшее. Повторно исследуются такие авторы как А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой. Несмотря на то, что эти темы могли бы уже казаться полностью исследованными и исчерпанными, они все еще привлекают интерес и внимание ученых. Также на основании названий статей или из их абстрактов не получается сделать обобщающее заключение о преобладающем подходе к исследуемым темам (напр. гендерные исследования, сравнительное литературоведение, генеалогия). Из приведенных выше фактов мы делаем следующий вывод: возможность попасть в печать на страницах этих журналов предоставляется любой хорошо определенной и разработанной теме.

Однако, в темах статей можно заметить и некоторые различия. В чешских русистских журналах чаще (но надо подчеркнуть, что не всегда) появляются темы либо слишком узкие, либо наоборот слишком широкие. Узко специализированные статьи сосредоточатся зачастую на одной избранной проблеме в одном конкретном произведении одного автора, напр. «Образ женщины

в романе И. А. Гончарова „Обрыв“» [MOLNÁR 2015, 13–24] или «Лексика в цикле И. А. Бродского „Двадцать сонетов к Марии Стюарт“» [STECENKO 2013, 13–24]. В подобных столь узко специализированных статьях не хватает нужного охвата и широкого контекста.

Наоборот, тематически широко направленные статьи излагают, как правило, общую характеристику творчества одного автора, вследствие чего возникает закономерный вопрос, возможно ли вообще применять такой подход и выполнять такую задачу лишь на 10–15 страницах текста (которыми, как правило, ограничиваются статьи в чешских изданиях), принося при этом новый взгляд на проблематику, приводя аргументы на защиту этого взгляда с нужными ссылками на авторитетные источники. В качестве примера приведем статью «Магическая проза Василия Белова» [MATYUŠOVÁ 2014, 34–38], или статью «Создатель сокровенной лирики Николай Рубцов» [ZACHARIJEVA 2013, 10–18], или даже работу «Специфика пражского центра русской зарубежной литературы и культуры» [BELOŠEVSKAJA 2011, 127–135].

В сравнении с чешскими узко определенными или широко направленными темами, исследуемые статьи в британском, американском и немецком журналах, как правило, кажутся «средними». Суть статьи состоит из четко ограниченной научной темы, которая не рассматривается отдельно, а в широком контексте. И контекст в данных статьях никак не может быть назван «долитой водой». Это не пара предложений или абзац в начале, а призма, сквозь которую автор выбирает точку зрения, с помощью которой смотрит на тему и интерпретирует ее. Среди прочих приведем, напр., статью об образе Калининграда в русской литературе [BLACKER 2015, 601–625]. Особенно для статей в американском журнале характерно то, что авторы выходят за рамки узкой темы, постепенно разрабатывают ее и переходят к широкому анализу, который при этом не выпадает из контекста времени и пространства. Однако, этот факт не всегда очевиден из самого названия статьи; так напр. *The Russian Review* опубликовал в номере 3/2013 статью под названием «Термодинамика жадности в «Записках охотника» Тургенева» [NEWLIN 2013, 365–389].

Однако, разницы в широте тем тоже нельзя принимать за абсолютные. Статьи с узкими темами, похожими на встречающиеся в чешских журналах, мы находим и во французском *Revue des études slaves*, который часто выпускает монотематические номера журнала. В них контекст отдельных статей возникает из целого издания, в котором они печатаются. Например, в 2010 году возник номер, посвященный годовщине смерти Л. Н. Толстого, и все исследования сосредоточились на 1910 год; номер 1/2012 был посвящен Александру Герцену, номер 4/2012 потом кампании Наполеона 1812-ого года (что опять относится к годовщине этого события).

Примечательным считаем также тот факт, что в самом выборе названий статей в исследуемых журналах явны некоторые различия. Особенно американские коллеги очень стараются придумать хитроумное название своей работе, между тем как в немецком журнале все названия показывают некоторую аккуратность, стремление точно выразить суть статьи уже в ее заголовке. Неизвестно нам, восходят ли эти тенденции в названиях от самых авторов или являются политикой редакции. Однако, несомненно, они имеют отношение к разным, всеобщим известным, стилям академического текста (стиль немецкий, англосаксонский, и т. п.).

Определенную роль в выборе тем и подходов к ним, бесспорно, играет и длина самой статьи. В обоих англоязычных журналах, а также в немецком, размер статей приблизительно в два раза больше, чем в чешских изданиях. Статьи в чешских журналах ограничиваются обычно 10 страницами (в журнале *Slavia* изредка и больше), между тем как в заграничных изданиях длина работ достигает 20 страниц и, иногда, даже больше, что предоставляет авторам возможность разработать избранную ими (хоть и узкую) тему глубже и тщательнее. Но, что еще важнее, такой размер работы позволяет авторам лучше обращаться с секундарной литературой, часто довольно широкого охвата. Этот факт потом отражается и в относительно богатом списке сносок и ссылок. Мы не собираемся на этом месте утверждать, что большее количество цитированных материалов и литературы являются однозначным показателем качества научной работы, однако, в чешских журналах мы находим и статьи, у которых список литературы насчитывает лишь 5–7 пунктов. И опять можем задать себе вопрос — что является причиной этой тенденции? Либо это незнание данной литературы (в чем мы скорее сомневаемся); либо вынужденный шаг, к которому автора привели ограничения размера работы, и он цитирует только самые необходимые источники (что, однако, можно считать неправильным с точки зрения этики цитирования); либо, в крайнем случае, небрежность автора.

Авторы статей в заграничных изданиях явно стараются в своем тексте показать, что тематику исследуют тщательно и противопоставляют свои результаты и тезисы разным итогам уже раньше опубликованных работ других ученых, что в чешских статьях часто отсутствует. В заграничных журналах также особое значение придается вкладу в науку, что очевидно уже из одних лишь резюме статей, подчеркивающих новизну идеи в сопоставлении с предыдущими знаниями. Здесь речь идет скорее об умении формулировки автора — сможет ли он подчеркнуть, что в его тексте нового, и в чем он преодолел границы науки, сколь воображаемыми бы они ни были. Проще говоря, зачастую при этом забывается про давно написанное, и западные авторы

часто не имеют ни малейшего понятия (или интереса) о том, что было открыто и описано в странах с куда крупнейшей традицией исследований на поле славистики.

Каковы тогда наши итоги сравнений чешской и западноевропейской продукции русистских журналов за последние годы? Мы считаем, что некоторые статьи, опубликованные в чешских журналах, не смогли бы быть распечатаны на страницах западных изданий, даже несмотря на языковой барьер (т. е. даже если бы были качественно написаны на английском или немецком языках). Считаем, что редакция часто упрекала бы их в отсутствии научного охвата и контекста или наоборот в слишком широком размахе, не позволяющем проникнуть в глубь темы и заставляющем автора повторять уже известные факты. Так же недостаточным воспринимался бы размер самой работы, требовалось бы расширение статьи и дополнение списков использованной литературы и других источников, на которых автор базировал свои выводы.

С другой стороны, когда мы вчитались в некоторые англоязычные статьи, то нам не казалось, что в них открываются недостижимые для нас результаты или что чешские русисты не готовы на такой же умственный подвиг. Однако, подготовка такой статьи требовала бы больше времени, труда и, несомненно, и финансовых ресурсов (журналы в области гуманитарных наук не принимают статьи, написанные повседневным стилем английского языка, и прямо в инструкции авторам особо рекомендуют коррективную носителям языка). К этому усилию, к сожалению, чешских исследователей ничто не мотивирует, поскольку чешская система оценки научных достижений отдает предпочтение продукции большого количества статей среднего качества перед работой над одним, зато выдающимся текстом. Поэтому мы считаем, что чешская среда обладает нужными ресурсами для похожего научного подвига, но системная мотивация к такой работе совершенно недостаточна. Будет зависеть прежде всего от личных мотиваций каждого отдельно взятого ученого, попробует ли он достичь таких исследовательских целей.

Библиография:

- BELOŠEVSKAJA, L. (2011): *Specifika pražského centra ruské zahraniční literatury i kultury*. Slavia 80, 2011, č. 2–3, s. 127–135.
- BLACKER, U. (2015): *Writing from the Ruins of Europe: Representing Kaliningrad in Russian Literature from Brodsky to Buida*. The Slavonic and East European Review 93, 2015, č. 4, s. 601–625.

- MATYUŠOVÁ, Z. (2014): *Magické prózy Vasilije Bělova (* 23. 10. 1932 – † 4. 12. 2012)*. Opera Slavica 24, 2014, č. 1, s. 34–38.
- MOLNÁR, A. (2015): *Ptice i cvety – obraz ženščin v romane Gončarova «Obryv»*. Opera Slavica 25, 2015, č. 3, s. 13–24.
- NEWLIN, T. (2013): *The Thermodynamics of Desire in Turgenev's Notes of a Hunter*. The Russian Review 72, 2013, č. 3, s. 365–389.
- PÁNEK, J. (2015): *Česká historická slavistika v kontextu humanitních věd*. Český časopis historický 113, 2015, č. 1, s. 7–26.
- POSPÍŠIL, I. (2010): *Double réfraction (La mort de Tolstoj en Bohême et en Moravie)*. Revue des études slaves 81, 2010, č. 1, s. 53–70.
- POSPÍŠIL, I. (2016): *Zvláštní kniha o tzv. sovětském románu*. Slavica litteraria 19, 2016, č. 1, s. 129–132.
- STECENKO, A. (2013): *Leksika cikla I. A. Brodskogo «Dvadcat' sonetov k Marii Stjuart»*. Novaja rusistika 6, 2013, č. 1, s. 13–24.
- ZACHARIJEVA, I. (2013): *Sozdatel' sokrovennoj liriki Nikolaj Rubcov*. Opera Slavica 23, 2013, č. 1, s. 10–18.

Об авторе

Josef Šaur, Masaryk University,
Faculty of Arts, Department of Slavonic Studies,
Brno, the Czech Republic, saur@phil.muni.cz